

© 2012 г. Р.В. Фурцев

УДК 93

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ВЕНЕЦИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Венецианская республика всегда была и в наше время остается востребованным объектом исследования. Причин тому множество, и одна из главных – необычайная стабильность ее политической системы, сформировавшейся в период развитого Средневековья. Произшедшие с ней с течением времени перемены, вызванные различными обстоятельствами и имевшие в ряде моментов аналоги в других итальянских государствах, не затронули ее основ, что являлось поистине уникальным случаем для Италии. Сильная и функционирующая система управления, минимум внутренних потрясений и четко продуманная внешняя политика, где ведущую роль играла хорошо организованная дипломатическая служба, превратили Республику Святого Марка в одну из европейских держав эпохи Возрождения.

Во второй половине XV в. начинается широкомасштабная военная экспансия Венеции на материке, что породило в определенных общественных и властных кругах Италии «миф» о якобы создаваемой венецианцами *Imperio d'Italia* (Итальянская империя). Эта точка зрения была особенно представлена в дипломатической пропаганде итальянских конкурентов республики [1, с. 197]. С другой стороны, именно Венеция смогла в полной мере воспользоваться политическими смутами вследствие итальянского похода Карла VIII и выг.ми от пребывания в составе Священной лиги 1495 г. ради увеличения собственных владений на апулийском побережье, так что боязнь венецианской гегемонии на полуострове имела под собой почву. К тому же после завоевания Милана французами в 1499 г. и смерти папы Александра VI и его сына Чезаре в 1503 г. синьории удалось распространить сферу своего влияния на ломбардские территории в районе Кремоны и земли Эмилии и Рома-

нии. Как следствие, противники Венеции в лице папы Юлия II, короля Франции Людовика XII и главы империи Максимилиана I объединились в 1508 г. в Камбрейскую лигу и нанесли венецианской армии в 1509 г. ошутимое поражение под Аньяделло. Однако с помощью своего дипломатического мастерства, снискавшего уважение даже ее соперников, республика в 1517 г. сумела вернуть себе все утраченные ранее владения. Кроме того, с 20-х годов XVI в. Венеция заслужила себе признание в качестве главного бастиона Италии в борьбе с турецкой угрозой, которую в итоге удалось на время устранить после победы в битве при Лепанто в 1571 г., где значительную роль сыграл венецианский флот. А благодаря своей независимой внешней политике с антиклерикальными тенденциями Республика Святого Марка была единственным итальянским государством, пользовавшимся вплоть до XVIII в. немалым авторитетом на международной арене.

Поэтому не удивительно, что на смену негативному «мифу» о венецианских гегемонистских устремлениях постепенно приходит восхищение внутренней политической стабильностью и, как казалось, идеальным государственным устройством, что отражалось в произведениях многих европейских мыслителей и теоретиков государства. Однако сразу после поражения в войне с державами Камбрейской лиги в 1509 г. в республике раздались голоса недовольных «моральной изнеженностью» и коррумпированностью венецианских аристократов, которые оказались неспособны эффективно вести войну и погрязли в раздорах [2, с. 44]. Но на фоне дипломатических успехов последующих лет критика по поводу неудовлетворительных военных навыков венецианских граждан и государственных деятелей вдруг превратилась в прямо-таки панегирические сочинения о гражданских добродетелях патрициев. Согласно классическому трактату «О должностных лицах Венецианской республики», который был написан гуманистом и реформатором церкви Гаспаро Контарини в период с 1523 по 1531 гг. и опубликован уже после смерти автора в 1543 г., Венеция сохранила свою самостоятельность и идентичность сквозь века, потому что ее идеально сбалансированная смешанная система управления базировалась на полном равновесии государственных институтов и властей. Кроме того, по мнению Контарини, политическое руководство не растрачивало свои силы на внутренние баталии и склоки, а интересы всего государства были выше интере-

сов отдельных граждан. При этом как Контарини, так и другие венецианские теоретики признавали светскую модель государственного устройства и царивший на всех уровнях социально-культурной жизни секуляризм важнейшей составной частью политической автономии Венеции [3, с. 445]. Показательно, что именно эти по-реформаторски настроенные гуманисты и политически ангажированные представители духовенства вели в контексте стремления венецианцев освободиться от папской опеки ожесточенные дебаты о церковной реформе и новом духовном начале римской курии.

Типичный для венецианских мыслителей элемент рационализма, опирающегося на идею государственной целесообразности и свободного от обременяющих догм, находит свое отражение не только в произведениях духовных политиков, но и в сочинениях гуманистов, профессиональных дипломатов и даже представителей венецианского протестантизма. Поэтому отмеченные Контарини добродетели идеального патриция, выразившиеся главным образом в высоких моральных качествах и самоотверженной службе на благо государства, в полной мере соотносятся и с описанными в трактате гуманиста и дипломата Эрмолао Барбаро «Об обязанностях посла» достоинствами, которыми, по замыслу автора, должен был обладать посол республики. Однако с момента начала внешнеполитических кризисов вследствие войн с турками, а также по причине внутренних религиозно-политических споров первой половины XVI в. «миф» о единстве и моральной безупречности республиканско-олигархической элиты все менее соответствовал социально-политическим реалиям.

Профессиональная дипломатическая служба являлась неотъемлемой частью системы государственного управления Венеции. Обычно доступ к высшим и, таким образом, самым доходным политическим должностям в конце XV в. был открыт представителям могущественных патрицианских семей. Но, с другой стороны, существовала возможность пробиться к элитарным постам посредством накопленного благосостояния, на чем в конце концов и базировался привилегированный статус [4, с. 71]. В свою очередь, богатства и влияния можно было достичь, сделав блистательную карьеру на государственной службе. И все же одна только принадлежность к ведущим старым или новым родам (*case vecchie e nuove*) не гарантировала успешного продвижения. Чтобы сделать политическую карьеру, вершиной которой яв-

лялась почетная должность дожа, требовались не только обширные связи, приобретенное богатство и родовой статус, но и профессиональная компетенция. Личные интересы отдельного венецианского патриция стояли в неразрывной связи с благополучием государства, на службе которому он находился и от которой, в свою очередь, желал извлечь выг. В Республике Святого Марка совершенно очевидно было переплетение принципа меритократии и государственной целесообразности.

Поэтому нарисованный многими мыслителями образ добродетельного, готового к самопожертвованию гражданина Венеции на государственной службе следует понимать не только как пропагандистский ответ патрициата на критику корыстной венецианской политики со стороны иностранных держав, но и как образец, достойный подражания [5, с. 103]. А исполненное должным образом дипломатическое поручение нередко открывало путь к чиновничьей карьере на благо республики и, кроме того, позволяло повысить собственный статус, ведь короли и князья имели обыкновение щедро одаривать венецианских послов и награждать их почетными титулами. Но самое главное – удачное завершение посольской миссии в строгом соответствии с данными инструкциями и с соблюдением установленной процедуры приносило вернувшимся домой дипломатам честь и славу [6, с. 179]. Также и в этом аспекте довольно трудно отделить друг от друга личное стремление к престижу как следствие подобной профессиональной этики и государственную пользу как результат усердного выполнения послом своего долга.

Впрочем, статуты республики по отправлению дипломатической службы существенно ограничивали возможности послов заниматься личным обогащением либо самоуправством в ходе выполнения официальных миссий. Как правило, венецианского политика или дипломата крайне редко направляли к одному и тому же монарху более двух – трех раз в целом, а срок его пребывания в одном месте составлял максимум два г., но чаще всего значительно меньше. Такой порядок, по замыслу властей республики, должен был помешать тому, чтобы посол смог бы создать себе в стране назначения прочную основу власти и влияния, используя связи при дворе. Помимо этого карьера венецианского политика характеризовалась тем фактом, что он зачастую одновременно либо с короткими промежутками занимал сразу несколько должностей с разными служебными обязанностями, что крепко привязывало его к

политической системе республики. На этом фоне становится понятным, что регулярная посольская служба Венеции в XV – XVI вв. не имела характера постоянного дипломатического представительства с послами-резидентами наподобие современности, а скорее включала в себя отправку за рубеж политика или чиновника ради выполнения одной конкретной задачи [7, с. 164]. Исключением из этого правила являлась лишь постоянно действующая посольская миссия республики при Святом престоле.

По причине долгосрочного характера посольских миссий, которые включали в себя не только непрерывное представление интересов определенного государства, но и постоянное наблюдение за иноземным сувереном, многие современники воспринимали дипломатов раннего Нового времени почти как почетных шпионов (*spiae onorate*) [8, с. 197]. Причем особенно в венецианских трактатах XV-XVI вв. профессия дипломата, в ту пору описываемая такими терминами, как *spia* (шпион), *explorator* (разведчик), *confidente* (осведомитель) или же *agente segreto* (тайный агент), нередко оценивается негативно. Шпион, по общему мнению, руководствовался в своей деятельности криминальными или, по крайней мере, аморальными принципами. Шпионов традиционно засылали во вражеский лагерь для выяснения политических либо военных целей противника. В Италии этот институт начал активно утверждаться с XIII в. в ходе административного развития городов-коммун и вплоть до формирования конкурирующих друг с другом синьорий. Однако назначенный с соблюдением всех процедур полномочный посол при дворе иноземного монарха не должен был использовать в своей практике методы секретного агента, как утверждал Эрмолао Барбаро в своем вышеупомянутом сочинении. Таким образом, в отличие от, например, послов Миланского герцогства, официальный дипломатический представитель республики не должен был в глазах общественности одновременно отождествляться с тайным агентом, от которого изначально ожидалось, что он в своей деятельности будет заниматься сомнительными делами. Тем не менее в Венеции общепризнано допускалось, чтобы вне рамок своих официальных должностных обязанностей патриции уже в качестве частных лиц в интересах республики выведывали бы военные, политические либо экономические секреты враждебных держав или конкурентов. Кроме того, подобным сбором информации занимались венецианские консулы и постоянно жившие за границей коммер-

санты. Кстати, задолго до учреждения регулярных посольств именно купцы представляли интересы республики за рубежом. Но если, не дай Бог, венецианские чиновники как носители политических либо военных государственных тайн сами передавали секретные сведения иностранным агентам или, более того, шпионили в пользу других держав, то их ждала неминуемая расплата – обвинение в государственной измене и смертный приговор [8, с. 57].

На фоне изображаемого в тогдашних теоретических трактатах идеала морально безупречного посла как раз венецианская дипломатическая практика отличалась эффективным использованием шпионажа и подкупа. Вместе с тем в самой республике была хорошо отлажена система полицейского и судебного преследования контршпионажа и недопущения неформального сбора информации со стороны иностранных дипломатов. Тот факт, что в этой связи правительство Венеции в интересах государства использовало не только купцов за границей, раздавая им конфиденциальные поручения, но и широко привлекало на официальную дипломатическую службу представителей духовенства, сограждан еврейского происхождения, различных тайных агентов, а иногда даже проституток [8, с. 461], подчеркивает светский рациональный характер республиканской дипломатии в конце XV в., во многом определявшийся идеей беззаветного служения государству. И такая стратегия приносила максимально возможную пользу суверенным интересам Венеции. Принципы хорошего оратора (*buon oratore*) и почетного шпиона (*spia onorata*), являвшиеся, по-видимому, подлинно венецианскими концепциями, гармонично дополняли друг друга. С одной стороны, чиновничья дисциплина, которая регулируется образцовыми правилами профессиональной этики и служит основой для карьерного роста и честолюбия, а с другой – активное использование инструментов шпионажа и информационных технологий на уровне бурно развивающегося общества той эпохи. В этом контексте становится понятным и роль распространенной лишь в венецианской дипломатии традиции финального доклада, с которым посол должен был в течение 15 дней после завершения своей миссии выступить перед политическими органами республики и затем сдать его в архив. Ведь, в отличие от устоявшейся тогда дипломатической практики в Европе, доклады венецианских послов представляли собой не столько краткое обобщение политических результатов миссии, сколько бо-

гатым источником самой разной информации, сборник наблюдений политического, культурного и социально-экономического характера, отмеченных в ходе выполнения посольства.

Дипломатическая служба являлась составной частью строго регламентированной системы органов власти в Венеции. Профессиональная компетенция – вот то основное качество, которым прежде всего должен был обладать венецианский посол. В ходе осуществления внешнеполитических мероприятий венецианское правительство задавало посольским миссиям цели и стратегию. А дипломаты, в свою очередь, должны были в идеале действовать строго в рамках инструкций на благо республике и на пользу собственной карьере, находясь на государственной службе и занимая зачастую одновременно несколько административных постов. При этом немалую роль играли методы тайной дипломатии и шпионажа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Rubinstein N.* Italian reactions to Terraferma expansion in the fifteenth century//Renaissance Venice. London, 1973.
2. *Cessi R.* I Diarii di Girolamo Priuli // Rerum Italicarum Scriptores. Raccolta degli Storici Italiani dal cinquecento al millecinquecento 24/3. Bologna, 1921.
3. *Bouwisma W.* Venice and the political education of Europe//Renaissance Venice. London: Cliffords, 1973.
4. *Chojnacki S.* In Search of the Venetian Patriciate: Families and Factions in the Fourteenth Century//Renaissance Venice. London, 1973.
5. *Blow D.* Doctors, Ambassadors, Secretaries. Humanism and Professions in Renaissance Italy. Chicago, 2002.
6. *Queller D.* The development of Ambassadorial Relazioni//Renaissance Venice. London, 1973.
7. *Beverley T.* Venetian ambassadors on the eve of the French invasion//The World of Savonarola: Italian elites and perceptions of crises. Aldershot, 2000.
8. *Preti P.* I servizi segreti di Venezia. Milano, 1994.

***Московский городской
педагогический университет***

15 октября 2012 г.